

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-11-2.30>

Шевцов Константин Павлович

ФОРМАЦИЯ ЦИФРОВОГО РАЗУМА И МЕДИАПОЛИТИКА

В статье ставится вопрос о становлении в условиях современной медиареальности новой формации разума, отличной от классических прототипов. Предлагаются аргументы в пользу понятия цифрового разума, а также очерчиваются границы и основные структурные принципы данной формации разума. Цифровой разум формируется как способ упорядочивания пространства современных коммуникаций и выступает как необходимый коррелят медиаполитик, направленных на управление не только отдельными актами сетевой коммуникации, но и самим желанием вступать в коммуникацию и реализовывать себя в ней.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/11-2/30.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 11(97). Ч. 2. С. 318-321. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 130.2

Дата поступления рукописи: 13.09.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-11-2.30>

В статье ставится вопрос о становлении в условиях современной медиареальности новой формации разума, отличной от классических прототипов. Предлагаются аргументы в пользу понятия цифрового разума, а также очерчиваются границы и основные структурные принципы данной формации разума. Цифровой разум формируется как способ упорядочивания пространства современных коммуникаций и выступает как необходимый коррелят медиаполитик, направленных на управление не только отдельными актами сетевой коммуникации, но и самим желанием вступить в коммуникацию и реализовывать себя в ней.

Ключевые слова и фразы: политики медиа; цифровой разум; мера; цифра; медиафилософия; коммуникация.

Шевцов Константин Павлович, д. филос. н.

Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации

shvkst@gmail.com

ФОРМАЦИЯ ЦИФРОВОГО РАЗУМА И МЕДИАПОЛИТИКА

Исследование выполнено в рамках исследовательского проекта при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 18-011-00414 А «Политики медиа», СПбГУ.

Политика представляет собой систему отношений власти и институтов управления, и в этом смысле она полагается на представление о том, какими должны быть цели и условия деятельности этих институтов, какой порядок управления должен быть признан наилучшим. Вот почему понятие политического апеллирует к представлению о разуме как основанию порядка и целеполагания, что само по себе не отменяет исторической изменчивости этого основания. *Целью статьи*, обуславливающей одновременно и *актуальность* ее темы, является ответ на вопрос, можем ли мы указать *основание* современной политики, во всяком случае в той мере, в какой она полагается на институт медиа, и является ничем иным, как *политикой медиа*. Соответственно, *предметом исследования* выступает та формация разума, которая обеспечивает порядок ценностей и целей современной политики. Предварительная характеристика этой формации составляет *новизну* предлагаемого исследования.

Классическая концепция разума появляется в античности вместе с учением об *архэ* как о первой причине существующего (метафизика) и о первой власти, обеспечивающей законность и благополучие полиса (полития) [1, с. 22]. В этой перспективе разум мыслится как порядок, который пронизывает и мир в целом, и отдельную человеческую жизнь, позволяя ориентироваться в бытии, выявлять связь сущих, искать и обретать цель существования. Усмотрение сущностей, их именование и определение, взаимосвязь и подчинение одних сущностей другим, явленное в суждениях и умозаключениях, исследование первых причин – таковы задачи метафизического разума. В эпоху Нового времени политическая модель вписывается в совершенно иную перспективу, поскольку архитектоника трансцендентального разума, в противоположность метафизическому, на первое место ставит вопрос не о первых началах, а о возможности опыта, его описания и систематизации, то есть в конечном итоге – о наилучших способах администрирования и управления [9, с. 20].

Существование в мире обрекает на рассеянность, рассредоточенность в пространстве, которое должно быть обжито и упорядочено, при том, что и оно в ответ присваивает нас, приучая к определенному формату узнавания и понимания себя через места, в которых нам приходится быть. Так же точно мы рассеяны в чувственных и коммуникативных потоках, в книгах и ожидающих нас сериалах, в актуальности новостей и слухов, незаконченных дел и неотыгранных переживаний. В современном мире эта рассеянность приобретает глобальный характер, и это значит, что наш мир требует обращения к новым способам собирания себя и управления собой и другими, совершенно новый порядок разума, который мы могли бы определить сегодня как цифровой разум. В его основе лежит уже не направленность на сущее как таковое и не на естественнонаучную картину мира, а на возможность существования в тотальном пространстве медиа и, главным образом, на природу желания и идентичности, рассеянную и каждый раз заново собираемую в современной цифровой реальности коммуникаций.

В основе любого порядка лежит представление о мере, соединяющей различное в форме симметрии, соразмерности, одного и другого. Античная философия исходила из того, что мера человеку – космос, но тем самым она делала мерой космоса правильную и обоснованную речь, Логос. Мгновенное осознание этого обстоятельства прозвучало в суждении Протагора и было отринуто Платоном, потому что если человек – это мера всего, то придется решать, какой именно человек должен выступать мерой. Новоевропейская философия начинает с признания того, что *Cogito* и врожденные идеи души есть мера познаваемого, и необратимо приходит к платоновскому вопросу: какова же человеческая мера истины? Уже в XIX веке мы находим многообразные последствия этого вопрошания в поисках все новых и новых способов измерения человека: пороги чувствительности, объем восприятия и памяти, скорость реакции, активность нейронов и пр. Человек стал объектом измерения, потому что заявил о себе как о субъекте и мере вещей, и именно этот поворот знаменует собой формацию цифрового разума – формацию не меры, которую мы устанавливаем и храним в себе, а несчетности измерений, которым мы отныне подлежим едва ли не во всех своих действиях и желаниях [2, с. 130].

Быть измеримым означает крайнюю пассивность, и однако мы сами измеряем себя, соединяя активность и пассивность в совершенно новой форме рефлексии, обусловленной современными медиа. Активное включение в это новое пространство делает нас объектами бесконечной заботы всевозможных агентов и инстанций, фиксирующих и систематизирующих данные, изучающих симпатии и предпочтения, фоновые знания и мотивы и пр. Свою индивидуальность мы бестрепетно предоставляем потоку все умножающихся промеров,

обретая на выходе тотальность новой версии субъекта, носителя и проводника цифрового разума – коммуниканта. В. В. Савчук пишет: «Если тело медиума архаического общества требовало инициации, подготовки, сосредоточенности и транса – в итоге становилось прозрачным, а в пределе призрачным – для сообщения с трансцендентным, то в эпоху массовой коммуникации человек включается тем эффективней, чем более он автоматизирован, компьютеризирован и редуцирован к коммуниканту, т.е. к разобщенному и отделенному от других людей человеку» [7, с. 299].

Во многом эта фигура узнаваема, потому что ей принадлежит безликость человека толпы, массы, хайдеггеровского *Das Mann* [10, с. 126] но теперь она возведена до уровня субъекта самой современной формы социальности, ей принадлежит разум эпохи, и в этом смысле она представляет собой зеркало, в которое смотрится каждый из нас: «Разумеется, коммуниканты не говорят на языке сущности, поскольку язык коммуникантов использует нерелексивные клише, жесты и фразы рекламных роликов, застывшие смыслы очевидности, а так как их реакция, их чувства запрограммированы извне, они есть своего рода имплантаты медиа; интенции их исходят из внеличного, а потому абсолютно чистого сознания, сознания медиасубъекта» [7, с. 301]. И все-таки банальность и узнаваемость – лишь одна из сторон новой формы субъектности. Поскольку пассивность измеряемости дополнена в ней активностью все новых и новых подключений, мы имеем дело с подлинной формацией разума, невозможной без своего Иного, без несоизмеримого. Только мера способна породить или выявить то, что не соотносимо с ней, без-мерно, в отношении чего измеряемая часть всегда остается второстепенной как информация, которой мы делимся в повседневном общении, второстепенна по отношению к тому, как мы оцениваем иногда самые мельчайшие и незначимые детали ее подачи. Подлинно безмерным и непрерывно измеряемым объектом цифрового разума, несомненно, является желание вступать в коммуникацию как главный фокус изначального желания быть в мире. Вот почему медиа больше не информируют и даже не соблазняют, они пытаются добраться до неисчерпаемой области первичной энергии желания, что позволило бы разместить коммуниканта в любой заданной цепочке сообщения.

Господство современных цифровых медиа вызвало к жизни достаточно противоречивый, хотя и амбициозный, проект медиафилософии. Ламберт Визинг выделяет несколько основных подходов к исследованию медиа [3, с. 155], само перечисление которых показывает, насколько зыбкой и проблематичной оказывается любая попытка концептуализации медиа. Прежде всего, предметом медиафилософии можно считать понятия и понятийные трансформации, которые приходят вместе с новыми медиа (Штефан Мюнкер), но, в свою очередь, это требует прояснения самого понятия медиума и медиа (Alexander Roesler). Поскольку трансформация понятий в философии неизбежно ведет к вопросу о пересмотре принципов, медиафилософия оказывается в центре философской рефлексии, претендуя на исследование фундаментальных условий данности сознания (Sybille Krämer). С другой стороны, поскольку философия – это работа с понятиями, которые уже предполагают господство определенного медиума (письма, рукописной книги, печатной книги), то возникает вопрос, способна ли философия проникнуть к собственным до-смысленным основаниям. И тогда, возможно, нет никакой медиафилософии, потому что нам доступна только практика описания и анализа медиа как объективного феномена в рамках психологии и социологии (Elena Esposito). Иначе нужно допустить некую до-языковую философию посредством медиаобразов (Вилем Флюссер, Lorenz Engell), которую, очевидно, можно только предьявить, но нельзя никак осмыслить в понятиях.

Такая ситуация обусловлена не только проблематичностью понятия медиа, но и избыточностью реальности, созданной и заново создаваемой современными медиа. «Медиареальность в пределе – это не порядок, это возрастающий хаос, пройдя высшую точку беспорядка, точку высшего торжества беспорядка, она изрыгает из себя порядок. Чем больше хаоса в медиареальности, тем ближе точка рождения Космоса» [7, с. 303]. Можно сомневаться в торжестве нового медийного Космоса, но нет сомнения в том, что даже в хаосе медиареальности должны быть найдены соответствующие ей структуры порядка. В противовес медиафилософии, с ее все еще не устоявшимися предметной областью и методом, стоит выдвинуть проект критики цифрового разума как способ ориентации в хаосе цифрового мира, своего рода мышление в условиях невозможности, поскольку сам метод критики состоит в проведении границы и выделении только тех структур внутри видимой акосмии, которые допускают понимания и строгой экспликации.

Целью критики цифрового разума должна стать, во-первых, демонстрация того, что область цифры состоялась как разум, со своими законами, правилами, с фундаментальной корреляцией «человек – мир», а во-вторых, указание границы этого разума. Само проведение границы является основополагающим актом разума, установлением его собственного основания и порядка. Достаточно вспомнить о парменидовском разделении истины и мнения как основании метафизического разума и о кантовском разделении ноуменального и феноменального как границы, полагающей сферу чистого разума. Каждый раз речь идет об отказе от очевидности (привычного мышления) в пользу логики, выстроенной из радикально нового основания. В случае цифрового разума мы также имеем дело с привычными очевидностями мира, опознаваемыми по модели классических (вербальных и аналоговых) медиа, в основе которых лежит уверенность в том, что нам известна и подконтрольна мера соотношения человека и мира (человека и человека), либо в кантовском смысле как мера собственной активности, деятельности субъекта, либо в широком метафизическом смысле как соразмерность человека и мира в общем порядке сущего.

Чтобы установить подлинные границы цифрового разума, необходимо начать с отказа от этой очевидности и признать любую подобную меру недоступной нам вещи в себе. Не потому что такой меры нет, а потому что в новой цифровой реальности мы сами оказываемся непрерывно измеряемыми и исчисляемыми, и даже те, кто пытается проводить исчисления, лишь транслируют свою собственную исходную измеренность и исчисленность. В границах цифрового разума нам известно лишь то, что медиум вкладывает в нас, поскольку он и создан для того, чтобы собрать в себе все способы измерения нашего присутствия. Строго говоря, именно этот момент и выражен именем «цифровой», поскольку таким образом мы противопоставляем

пифагорейскому порядку чисел, понимаемому как порядок сущностных мер, порядок цифр, который начинается там, где число из означаемого превращается в означающее самого себя, из меры существования – в степень возрастания и превосходства, то есть по сути – в степень удаления от единицы как меры в себе.

Чтобы прояснить этот момент, вернемся к пифагорейской революции, которая стала одним из истоков классической концепции разума. Пифагорейцы учили о космосе как соединении меры и безмерного (Филолай), при этом число оставалось для них именно на стороне меры, порядка (см. знаменитую историю о гибели Гиппаса). Платоновский «Тимей» следует именно этой модели, противопоставляя конечность парадигмы безмерности пустого пространства, хоры. Чтобы быть мерой неопределенного, материи, число должно быть прежде мерой самого себя, то есть мыслиться из самого себя. Именно такова пифагорейская единица, монада, которая разворачивается в декаду – истинное «монадическое число», чтобы быть собственно мерой не только себя, но и своего иного [8, с. 473].

В отличие от этой меры, *цифра* появляется значительно позже, вместе с заимствованием индийских (арабских) чисел, записанных позиционным способом, и получает свое имя по названию особого символа, нуля, который выполняет функцию начального элемента новой меры, а именно новой десятки или нового порядка. Слово «цифра» происходит от арабского *رفص* *sifr* («ничего, пустое место, ноль»), которое представляет элемент не универсального порядка, а всего лишь записи, то есть, по сути, чисто синтаксический элемент. Отсутствие числа, обозначающего собой порядок, и раньше выражалось пустой строкой, но знак для нуля – это знак, который позволяет сокращать запись при переходе к новому порядку. Таким образом, он означает не число и даже не отсутствие числа, а весь числовой период, как если бы все его числа содержались в самом исходном отношении нуля и единицы – как безмерного и меры, ничто и бытия. Для цифры значимой оказывается не исходная мера, а сама возможность *производства новой меры*, потенциально бесконечного ряда, который возникает благодаря прибавлению нового порядка, еще одного нуля. По сути, цифра становится высвобождением безмерного, поскольку вместе с ней в структуру числа вносится отношение единицы и нуля, пустоты, инаковости, чистого различия. Сложение единиц в числовом ряду перестает быть развертыванием единого в устойчивую форму декады, оно становится порождением новых мер, обращение которых на исходную единицу ведет к расщеплению ее в бесконечность иррациональных чисел. Эти числа уже не являются в строгом смысле мерами, они являются способом выражения безмерного посредством бесконечного ряда цифровых означающих.

Впрочем, является ли пролиферация цифры в противовес числу достаточным основанием для того, чтобы говорить о цифровом разуме? Пифагорейское число стояло у истока метафизического разума, но в этом проекте была ограниченность, которая определила предпочтение не числовому порядку симметрий, а Логосу как мере бытия. В отличие от строгой меры себя, воплощенной в декаде, для разума существенно важна не только сама по себе мера, но и ее применение, балансирование на границе тождества и иного, которое, как говорит Платон, дано нам в форме соединения имени и глагола. В известном смысле число остается областью сверхразумного, мистического или магического проникновения к первоначалу. Совершенно иначе обстоит дело с цифрой, которая не претендует на роль начала, но, бесконечно умножая числовые порядки, она позволяет в связке 1 и 0 соотносить одно и иное, различие и неразличимость и тем самым находить способ выражения и исчисления любой человеческой деятельности, что значит: переводить эту форму на внешний носитель, медиум, выстраивать сеть медиаций как порядок, соединяющий всех субъектов в единый коммуникативный порядок, собственно – в сферу цифрового разума.

Индийские цифры (еще без знака для нуля) впервые появились в Европе около 1000 года, но действительное признание и широкое распространение позиционной записи приходится на XIV-XVI века, когда все более насущной становится необходимость в быстрых и сложных коммерческих и бухгалтерских расчетах [6, с. 489]. Таким образом, цифра становится одним из современников и участников тех самых процессов, которые привели сначала к формированию новоевропейской метафизики, а затем и к торжеству «цифры» как совершенно новой формации разума. Стоит выделить три важнейших момента, знаменующих это событие, занявшее несколько десятилетий XX века: 1) измерение параметров передачи и восприятия не только вербальной, но и (в пределе) любой информации; 2) создание компьютеров, позволяющих осуществлять расчет условий (электрических сигналов), необходимых для воспроизведения и симуляции исходной информации; 3) объединение компьютеров в коммуникационную сеть. Цифровой разум появляется тогда, когда объектом исчисления становится не мир, а коммуникация, а точнее – когда цифра становится означающим означающих, то есть условием перевода сообщений с одного языка на другой, причем не только и не столько вербальных языков, сколько языков образных, фантазматических, чувственных. И поскольку эти языки, в отличие от вербального, по большей мере неотделимы от субъекта, то предметом этого разума в конце концов становится сам субъект, перевод разных типов субъективности друг в друга посредством работы с формами идентичности, объектами желания, мотивами и пр.

Мы говорим о политиках медиа, подразумевая тем самым, что современная политика в значительной мере не просто переместилась в медийную сферу, но и вынуждена перенимать логику этой сферы, присущую ей модель порядка, которую мы определяем как цифровой разум. Исследование этой формации разума только начинается, и поэтому во многом нам приходится отталкиваться от классических моделей, среди которых особое значение принадлежит кантовской критике. Коснемся того, что Кант выделяет как цель и принцип единства разума, или его архитектонику [4, с. 606]. В случае метафизического разума ее составляют основополагающий принцип Тождества и иерархия сущностей, которые определяются как носители всего многообразия явлений. Концепция трансцендентального разума изменяет принцип связи, понимая его как синтез чувственного многообразия, при этом конечный набор синтетических форм (категорий) сводится к завершающему единству формы. Можно сказать, что сама идея трансцендентального разума обращает нас к коммуникативной структуре, поскольку ориентирована на встречу с миром как внешним и отличным от самого разума, чем подготовлен

вопрос о вступлении в мир и встрече с другими как условием обмена и коммуникации. Если мы взглянем на цифровой разум как на способ связи субъектов, возможность которой задана многочисленными практиками их исчисления как агентов коммуникации, то мы также сможем выделить общий принцип и отдельные формы единства цифрового разума как конструктивные элементы его архитектоники. В этом случае на месте трансцендентальных форм Канта мы получим медиум и сообщение как формы рассредоточения и распределения желаний, на месте категорий – способы включения и пребывания в медиареальности.

Что же в таком случае стоит считать формой высшего единства цифрового разума? Очевидно, что в этой форме должна быть доведена до полной ясности и необходимости идея соединения с другими в общую сеть и непрерывное утверждение собственной измеримости, обеспечивающее автоматическое осуществление и непрерывное поддержание этого соединения. Как известно, у Канта трансцендентальным принципом единства признается чистое суждение апперцепции: «Я мыслю». Формальное «Я» этого суждения противопоставляется эмпирическому «Я» как предмету внутреннего чувства, и в этом отношении происходит размежевание с позицией не только эмпиристов вроде Локка, которые сводят «Я» к сознанию и памяти [5, с. 387], но и Декарта, для которого сознание *Cogito* необходимо включает в качестве предмета мысли создаваемое «Я», являясь одновременно мыслящей и мыслимой субстанцией. Подчиняя память форме времени, Кант выводит из сферы разума личную историю, хотя и сохраняет «остаток» памяти в сознании последовательности ради обоснования арифметики и причинно-следственных умозаключений. Таким образом, «Я мыслю» остается беспомытным, но зато сохраняет тот тип единства, который связан с последовательностью объективного (в кантовском смысле) мышления. Цифровой разум обращает нас к ситуации предельной скорости распространения сигнала, не допускающей возможности собирания своего тела, а потому здесь также вытесняется личная память, которая заменяется памятью загрузок, облака и пр. Приходит новая эпоха беспомытства, но, как и в случае с чистым разумом, она обеспечивается своим вариантом превращенной памяти.

Скорость сигнала превосходит возможность понимания, а часто и принятия сообщения, поэтому усвоение его опаздывает, застревая в медленном течении индивидуального времени. Подлинной формой синтеза в этих условиях становится даже не электрический сигнал и скорость Интернета, а возможность простой перезагрузки (страницы, ПК, роутера), которая позволяет компенсировать задержку и отставание и при этом не выбрасывает в совершенно новый поток информации, а позволяет найти себя, «узнать и припомнить» в обновлениях знакомых страниц, понятных тем и пр. Это уже не логическая память разума о порядке причин и следствий, а память самого цифрового разума о тебе, твоих интересах, истории запросов и пр. По сути, мы просыпаемся и включаем Интернет, тем самым как бы включая свое сознание. Именно этот акт, который можно выразить суждением «Я включаюсь» или же «Я включен», и является, с одной стороны, условием присутствия в поле цифрового разума, а с другой стороны, условием запуска самого этого поля именно как определенной политики разума, обращенной к многообразным формам желания субъекта, его потребности в персональном или же анонимном присутствии в медиасреде.

Итак, мы полагаем, что современная медиасфера задана не только множеством коммуникативных потоков, но и представляет собой новую формацию разума, поскольку устанавливает новый способ измерения, объектом которого является само желание быть включенным в целое, быть на связи с другими. Этот результат позволяет ставить дальнейший вопрос о порядке ценностей и целей, которые определяют поле современной медиаполитики.

Список источников

1. Агамбен Д. Что такое повелевать? М.: Грюндриссе, 2013. 72 с.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
3. Визинг Л. Шесть ответов на вопрос «Что такое медиафилософия?» // Медиареальность: концепты и культурные практики: учебное пособие / гл. ред. В. В. Савчук. СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2017. С. 150-157.
4. Кант И. Сочинения: в 8-ми т. М.: Чоро, 1994. Т. 3. 741 с.
5. Локк Д. Сочинения: в 3-х т. М.: Мысль, 1985. Т. 1. 621 с.
6. Меннингер К. История цифр. Числа, символы, слова. М.: Центрполиграф, 2011. 598 с.
7. Савчук В. В. Коммуникант // Медиареальность: концепты и культурные практики: учебное пособие / гл. ред. В. В. Савчук. СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2017. С. 298-304.
8. Фрагменты ранних греческих философов / сост. А. В. Лебедев. М.: Наука, 1989. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. 576 с.
9. Фуко М. Безопасность, территория, население: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011. 544 с.
10. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 452 с.

FORMATION OF DIGITAL INTELLECT AND MEDIA POLICY

Shevtsov Konstantin Pavlovich, Doctor in Philosophy
Saint Petersburg State University of Civil Aviation
shvkst@gmail.com

The article considers the problem of forming a new breed of intellect, which differs from classical prototypes and satisfies the trends of the modern media reality. The author provides arguments in favour of the digital intellect notion and identifies the limits and basic structural principles of this type of intellect. Digital intellect is formed as a means to arrange the space of modern communications and comes out as a necessary correlate of the media policies aimed to control not only certain acts of network communication but the individual's wish to communicate and express himself through this process.

Key words and phrases: media policies; digital intellect; measure; digit; media philosophy; communication.